

— Тебе не нужно извиняться.

Сун Бай Сюй негромко произнес эти слова в трубку, и его голос звучал на редкость мягко.

— Мы пропустили первый снег в Хучэне и рождественскую ночь в Сан-Франциско, но впереди у нас еще целая жизнь.

«Целая жизнь».

Стоило лишь вскользь подумать об этом, как на душе становилось удивительно тепло.

— Северное сияние в Рейкьявике, фестиваль Сибя-дзакура у подножия Фудзи, вечерний звон колокола в храме Цзинцы... Одной мысли о том, что я смогу увидеть всё это вместе с тобой, достаточно, чтобы восполнить любую горечь прошлого.

В трубке послышался мелодичный голос юноши, наполненный легким, почти невесомым смехом, который, казалось, растворился в соленом и влажном морском бризе.

— А прямо сейчас я бы хотел пригласить тебя полюбоваться фейерверком над морем. В этот жаркий июльский вечер.

Он сделал небольшую паузу, и в его тоне промелькнула робкая торжественность:

— Окажешь ли ты мне такую честь?

— Разумеется.

Янь Чао случайно поймал свое отражение в оконном стекле и замер: губы его невольно изогнулись в улыбке. Он на мгновение растерялся, но затем нежность окончательно затопила его взгляд.

— Жди на палубе, я сейчас приду.

Вечерний воздух был ощутимо прохладнее дневного зноя. Ступив на палубу, Янь Чао порадовался, что догадался накинуть поверх футболки легкую рубашку.

Влажный, пропитанный солью ветер перебирал пряди его волос и охлаждал лицо. Свободная летняя одежда раздувалась под порывами бриза, то и дело обрисовывая стройный и изящный силуэт молодого человека.

Сун Бай Сюй стоял у самого ограждения. Услышав шаги, он обернулся; его светло-голубая лента в волосах трепетала на ветру. Небрежным жестом он перебросил её через плечо и посмотрел на Янь Чао. Его лицо в мягком сиянии ночи казалось необычайно нежным, а в чуть прищуренных глазах, казалось, отражался весь лунный свет этого мира.

— А-Янь, — позвал он.

Янь Чао подумал, что эта лента идет Сун Бай Сюю даже больше, чем он ожидал.

Мысли его невольно потекли дальше: когда волосы А-Сюя станут еще длиннее, ему можно будет подарить изящную заколку. Волосы, рассыпавшиеся по спине или небрежно собранные кверху, наверняка будут смотреться великолепно.

Когда он подошел и встал рядом, в ночное небо с тихим свистом взмыл первый залп фейерверка.

Разноцветные огни расцвели небосвод и рассыпались мириадами бликов по темной, беспокойной глади моря.

Янь Чао заворуженно смотрел на огненные цветы в небе, а человек рядом с ним не отрывал взгляда от него самого.

Вспышки праздничных залпов отражались в темных, глубоких глазах Янь Чао, сияя и переливаясь, словно драгоценные камни.

— Хватит на меня смотреть, — Янь Чао оперся локтями о перила. Залпы уходили высоко в зенит, и он по привычке чуть закинул голову, отчего линия его шеи стала резкой и отчетливой. В его голосе зазвучала привычная ленивая вальяжность: — Неужели фейерверк не красивее меня?

— Фейерверк очень красивый, но ты, брат Янь, всё равно лучше, — серьезно ответил Сун Бай Сюй. — Ты смотри на небо, а я буду смотреть на тебя. Одно другому не мешает.

«Что ж, пусть будет так».

Янь Чао решил не спорить.

Огни вспыхивали и с тихим шелестом осыпались вниз. Перед вторым залпом Янь Чао повернул голову и внимательно посмотрел на Сун Бай Сюя.

— Я еще не успел пролистать альбом до конца. Но письмо, вложенное в последнюю страницу, я прочитал.

Хотя, называть это просто письмом было бы неправильно — это было самое настоящее признание в любви.

Две страницы, исписанные мелким почерком, и третья, на которой были нарисованы их общие мечты о будущем.

Существовало множество способов красиво заявить о своих чувствах. Если бы Сун Бай Сюй захотел, он мог бы устроить грандиозное шоу, потратить баснословные суммы и поразить воображение любого.

Но он выбрал самый простой, самый искренний и в то же время самый прямой путь — бумагу и чернила.

В самом начале письма он признался, что не мастер говорить красиво и боялся, что в нужный момент слова просто вылетят из головы. Заучивать текст по бумажке он не хотел, поэтому решил доверить свои чувства письму. К тому же, некоторые вещи, произнесенные вслух, могли прозвучать слишком приторно, но на бумаге они обретали особую глубину и нежность.

Случайно это вышло или Сун Бай Сюй действовал по наитию, но он попал в самую точку.

Янь Чао бесконечно понравился этот жест.

И всё потому, что...

«В письме нашел я все свои мечты».

Даже этой короткой мысли было достаточно, чтобы на сердце стало светло.

— Дай руку.

Сун Бай Сюй послушно протянул ладонь, и Янь Чао вложил в неё серебряный кулон.

Это был ажурный шар с гравировкой в виде облаков, внутри которого покоилась ярко-красная, полупрозрачная бусина красного агата. Она была отполирована до идеального блеска — гладкая, без единого острого угла. К серебряной оправе крепился черный плетеный шнурок с узлом-оберегом, а снизу свисала крошечная деревянная табличка с вырезанными иероглифами: «Благополучие и отсутствие бед».

— Ответное письмо... придется немного подождать, — Янь Чао смотрел на него сверху вниз, и хотя его взгляд был чистым, в уголках глаз таилась едва заметная нежность. — А это — мой залог любви.

Сун Бай Сюй так крепко сжал кулон, что края серебряного шара больно впились в ладонь. Он приоткрыл рот и едва слышно спросил:

— Эта красная бусина... она ведь символизирует семена любви?

«Надо же, догадался».

В глазах Янь Чао промелькнула тень улыбки.

— Да.

Искренние слова в письме и красные семена — как символ чувств.

Каких именно?

Чувств тоски и преданности.

«Семена любви рождают во мне мысли о тебе, и я желаю, чтобы ты сорвал их как можно больше».

Янь Чао не стал произносить это вслух, но был уверен: Сун Бай Сюй поймет всё без слов.

В этот миг небеса расцвели самым ярким букетом. Огни рассыпались в вышине золотыми искрами, чтобы вновь собраться в причудливые узоры.

Огненные цветы, яркие вспышки, летящие искры — казалось, целая звездная река низверглась с небес прямо в глаза любимого человека.

— Значит... — Сун Бай Сюю всё еще казалось, что происходящее нереально, что оно столь же мимолетно, как и эти огни в небе. Он боялся, что это лишь сон, который развеется с рассветом, и не мог удержаться от вопроса: — Значит, теперь мы... вместе?

— Вместе, — короткий ответ прозвучал твердо и уверенно. Спустя мгновение Янь Чао щелкнул его по лбу. — Мы обменялись залогами любви. В древности это считалось тайным обручением на всю жизнь. Неужели А-Сюй собирается пойти на попятную?

— И не подумаю! — Сун Бай Сюй медленно разжал кулак. Его ладонь была влажной, а на коже остались два отчетливых красных следа от серебряного шара. Он закусил губу, но в следующую секунду не выдержал и счастливо заулыбался, так что его глаза снова превратились в полумесяцы. — Я просто... слишком счастлив. Желание многих лет наконец исполнилось, и мне до сих пор кажется, что я сплю.

Янь Чао коснулся пальцами холодного металла перил. На его лице, обычно строгом, сейчас играла мягкая и открытая улыбка.

— Это не сон.

— Мой парень.

От этого обращения «маленький парень» широко распахнул глаза, а его щеки тут же залил густой румянец.

В небе прогремел последний, самый мощный залп. Огромные огненные шары распускались и гасли, словно звезды, падающие в мир людей.

Атмосфера была пропитана нежностью и предвкушением. Сквозь грохот последних разрывов Янь Чао слышал робкое:

— Мой парень, можно тебя поцеловать?

— Ты можешь просто сделать это, — Янь Чао чуть склонил голову набок. — Это исключительное право моего парня...

Последнее слово потонуло в прикосновении горячих губ.

Пока не угасли последние искры в небе — время для жарких поцелуев.

— На сегодня всё, — Янь Чао мягко отстранил лицо Сун Бай Сюя, который снова попытался потянуться к нему. Дыхание Янь Чао восстановилось удивительно быстро. — В следующий раз, когда полезешь целоваться, припрячь зубы.

Крошечная ранка на нижней губе всё еще ощутимо саднила.

— Опять мне губу прокусил.

— Хорошо-хорошо, — Сун Бай Сюй какое-то время не сводил взгляда с влажных и покрасневших губ Янь Чао, которые сейчас выглядели почти вызывающе. Он перехватил руку старшего, переплетая их пальцы, и не удержался — снова подался вперед, чтобы чмокнуть его в щеку. — В следующий раз... я постараюсь сдержаться.

Когда они спустились с палубы, Сун Бай Сюй попросил разрешения зайти в каюту к Янь Чао.

Тот окинул новоиспеченного парня ироничным взглядом, но всё же не стал отказывать в первой просьбе и впустил его к себе.

Сначала они сидели порознь: Янь Чао листал оставшиеся страницы альбома, и они вели вполне обычную беседу.

Но не прошло и нескольких минут, как Сун Бай Сюй начал подсаживаться всё ближе и ближе. В итоге он прижался к Янь Чао, положил голову ему на плечо и обхватил за талию, словно ласковый домашний кот, жаждущий тепла.

А дальше всё само собой снова перетекло в поцелуи.

Янь Чао вовремя остановился, не дав парню окончательно повалить себя на диван.

Всё еще не желая расставаться, «ученик Сяо Сун» с надеждой спросил:

— Можно... я останусь сегодня у тебя? Обещаю, мы будем просто спать.

Янь Чао одарил его долгим взглядом, в котором явно читалось: «Ты сам-то в это веришь?»

— Нельзя.

Сун Бай Сюй не расстроился. Дождавшись, когда Янь Чао досмотрит альбом, он озвучил свою давнюю задумку:

— Тогда можно мне завести второй аккаунт в Вэйбо, чтобы записывать там наши будни? Обещаю, никакой личной информации, которая могла бы нас выдать!

— Можно, — Янь Чао мельком взглянул на него. — У тебя есть основной аккаунт?

— Есть, но там...

Там было слишком много постыдного и наивного контента, который он ни за что не хотел бы показывать Янь Чао.

К счастью, тот лишь спросил из любопытства и не стал настаивать на проверке. Сун Бай Сюй с облегчением выдохнул.

— И еще один вопрос... Тогда, когда я спросил, как ты ко мне относишься, ты ответил всего два слова: «А-Сюй». Что это всё-таки значило?

— Именно то, что было сказано.

— Опять ты за свое... — пробурчал он под нос. — Вечно не договариваешь, держишь в напряжении, заставляешь ломать голову... Какой же ты всё-таки коварный.

— Хм, — Янь Чао совершенно серьезно принял это замечание и слегка ущипнул его за щеку. — Прощу, наберись терпения.

В будущем этого коварства будет еще больше, так что привыкай.

— ...

Сун Бай Сюй не ожидал, что Янь Чао так легко в этом признается. Он возмущенно уставился на него, не зная, что ответить, и от этого бессилия его лицо залил нежный румянец, который начал медленно сползать на шею.

Спустя минуту он обреченно вздохнул и, склонив голову, потерся щекой о ладонь Янь Чао. Его голос звучал тихо и вкрадливо:

— Только не переходи границы, хорошо?

Кожа под его пальцами была теплой и нежной. Янь Чао осторожно провел большим пальцем по его подбородку.

— Значит, мне можно делать что угодно?

Сун Бай Сюй кивнул, не колеблясь ни секунды.

— Всё, что захочешь. Если это ты... то можно что угодно.

Он прикусил губу; краска залила всё его лицо до самых корней волос. Голос стал совсем слабым:

— Если ты даже немного перейдешь границы... я не буду против.

— ... — пальцы Янь Чао на мгновение замерли. — А-Сюй.

— Больше не говори таких вещей, — произнес он ровным тоном. — Иначе я и впрямь стану переходить все границы.

Ну как можно быть таким покорным?

Даже маленький Янь Бай, когда подставляет живот для ласки, не ведет себя так послушно.

Кошка, если её обидеть, может выпустить когти, но Янь Чао подозревал, что Сун Бай Сюй, даже если его довести до предела, лишь сердито сверкнет покрасневшими глазами, а потом снова забудет все обиды и придет ластиться.

Он и не заметил, как от этих слов глаза Сун Бай Сюя радостно блеснули. Но не успел тот вставить ни слова, как Янь Чао легонько сжал его щеки, заставляя губы забавно выпятиться уточкой.

— А теперь — иди к себе и ложись спать.

— Хорошо-хорошо, — кожа у А-Сюя была нежной, и от любого нажатия на ней оставались следы. С двумя комичными розовыми пятнами на щеках он подобрался ближе и, встав на колени перед сидящим Янь Чао, обхватил его за шею. — Можно мне поцелуй на ночь?

Ответом ему стало мимолетное прикосновение теплых губ.

— Добрых снов.

Янь Чао поднял глаза; в его обычно холодном взгляде лед окончательно растаял, уступив место мягкой, едва уловимой улыбке.

— Мой парень.

<http://bllate.org/book/16124/1587408>